

Анархизм

Эррико Малатеста

Слово «анархия» (греч. anarchia) обозначает безвластие, т. е. такое состояние народа, когда он управляетя без установленной власти, без правительства.

Но прежде чем целая категория мыслителей сочла подобную организацию возможной и желательной, прежде чем она была принята, как цель, партией, которая отныне является одним из самых важных факторов современной социальной борьбы, слово «анархия» в большинстве случаев понималось в смысле беспорядок, хаос; его ещё и теперь понимают в этом смысле невежественные массы и наши противники, скрывающие истину.

Мы не будем вступать в филологические отступления, ибо здесь вопрос не филологии, а истории. Бульгарное понимание этого слова находится в тесной связи с тем значением, которое ему придают: такое понимание происходит от существования предрассудка, что правительство есть необходимый орган социальной жизни и что, следовательно, общество без правительства должно быть жертвой беспорядка, всемогущества одних и слепого мщения других.

Существование этого предрассудка и его влияние на то значение, которое народ дал слову «анархия», объясняется легко.

Как все животные, человек применяется, привыкает к условиям своего существования и приобретённые привычки передаёт по наследству.

Родившись и живя в рабстве, наследник отрода рабов, человек, лишь только начал мыслить, считал, что рабство было необходимым условием его жизни: свобода ему казалась невозможной. Точно также работник, принуждённый, уже века, ожидать работы, иначе [не видать ему] хлеба, от доброй воли хозяина, привыкнув видеть свою жизнь постоянно во власти того, кто владеет землёй и капиталом, кончил тем, что стал верить, что хозяин даёт ему есть; наивный, он говорит себе: как я стал бы жить, если бы не было хозяев?

Таково было бы положение человека, который имел бы ноги уже с детства связанными, но так, что он мог бы даже немного ходить; он мог бы присвоить себе право двигаться со своими цепями, которые только уменьшают и парализуют мускульную энергию ног.

И если к естественным действиям привычки я прибавлю воспитание, данное патроном, священником, учителем и т. д., которые все участвуют в проповеди, что

правительство и господа необходимы, если вы присоедините судью и полицию, которые стараются заставить молчать тех, кто иногда мыслит и желал бы распространять свои мысли, тогда будет понятно, каким образом в голове малообразованной массы принял предрассудок пользы и необходимости хозяина и правительства.

Теперь представьте себе, что человеку с закованными ногами (как мы уже сказали) доктор излагает целую теорию и даёт тысячи примеров искусно подобранных, чтобы убедить, что со свободными ногами он не мог бы ни ходить, ни жить; этот человек яро защищал бы свои цепи и смотрел бы, как на врагов, на тех, которые хотели бы разбить их.

И так как люди стали считать правительство необходимым, так как допустили, что без правительства можно иметь только беспорядок и раздоры, то естественно и даже логично, что термин «анархия», который означает отсутствие правительства, означает также отсутствие порядка.

Этот факт – не без примера в истории слов. В те времена и в тех странах, где народ считал необходимым правление одного (монархию), слово республика, которое означает правление большинства, понималось в смысле беспорядок и раздоры; такое значение находится ещё в народном языке почти всех стран.

Измените мнение, убедите народ, что правительство не только не необходимо, но даже опасно и вредно, и тогда слово «анархия», и это справедливо, потому что оно означает отсутствие правительства, будет понимаемо всеми, как естественный порядок, гармония потребностей и интересов всех, полная свобода в совершенной солидарности.

Те, которые говорят, что анархисты избрали себе плохое название, ибо оно неверно понято массой, неправы, потому что не в названии дело, а в сущности; и трудность пропаганды анархизма зависит не от названия, а от дела, в котором идея анархизма затрагивает все закоренелые предрассудки, которыми поддерживается связь народа с правительством или, как обычно говорят, с государством.

Прежде чем идти далее, следует объяснить это последнее слово, которое, по нашему мнению, служит причиной многочисленных недоразумений.

Анархисты пользуются словом «государство» обыкновенно для того, чтобы выразить одним словом все политические, законодательные, судебные, военные, финансовые и т. п. институты, посредством которых отнимается у народа управление своими собственными делами, управление своим собственным поведением, забота о своей собственной безопасности, чтобы доверить это нескольким лицам, которые или посредством узурпации или делегации облечены правами составлять законы на всё и для всех, принуждая народ приоравливаться к ним, пользуясь при этом силой всех.

В этом случае слово «государство» означает правительство или, если хотите, безличное, абстрактное выражение такого состояния вещей, олицетворением которого является правительство: выражения уничтожить государство, Общество без государства, и т. п. вполне отвечают той идее, которую анархисты проводят, когда говорят о разрушении всякой политической организации, основанной на авторитете, и об учреждении общества людей свободных и равных, основанного на гармонии интересов и на добровольной помощи всех для удовлетворения, социальных нужд.

Однако же слово «государство» имеет много других значений, из которых некоторые двусмысленны, в особенности, когда имеешь дело с людьми, которые вследствие своего печального социального положения не сумели привыкнуть к тонким различиям научного языка, или, что хуже, когда имеешь дело с бесчестными противниками, в интересах которых скрывать или затушёвывать ясное понимание.

Эти лица берут, например, слово «государство», чтобы показать такое общество, такое человеческое собрание, которое соединено в данной территории и составляет, так называемое, моральное тело, независимо от способа группировки членов и отношений между ними; таким образом, это слово понимается просто как синоним общества. Давая эти значения слову «государство», противники считают, серьёзно или притворно, что анархисты желают уничтожения всякой социальной связи, всякого коллективного труда и стараются вернуть людей к разобщённости, иначе к состоянию хуже, чем первобытному.

Под «государством» иногда понимают высшую администрацию страны, центральную власть, отличную от власти провинциальной или коммунальной, и на этом основании некоторые убеждены, что анархисты хотят просто территориальной децентрализации, оставляя неприкосновенным принцип правительства: итак, они смешивают анархизм с кантонизмом и коммунизмом.

Государство понимается, наконец, как состояние, форма жизни, социальные режимы т. д. Так, мы говорим, напр., что нужно изменить экономическое положение (Etat) рабочего класса, или что анархическое государство (Etat) есть единственное социальное государство (Etat) (мы, которые, с другой стороны, говорим о желании уничтожения государства), основанное на принципе солидарности, – и другие подобные определения, которые в наших устах могут, с первого взгляда, показаться странными и противоречивыми.

Поэтому мы считаем, что лучше возможно реже употреблять выражение «уничтожение государства» и ставить вместо него другое более ясное и конкретное: «уничтожение правительства», что и будем делать на страницах этого небольшого сочинения.

Мы говорили уже, что анархия есть общество без правительства.

Но разве возможно упразднение правительства? Разве это желательно? Разве можно это предвидеть?

Рассмотрим.

Что такое правительство?

Влияние метафизики (умственной болезни, вследствие которой человек, абстрагировав логическим процессом качества от существа, подвергается галлюцинации, принимая абстрактное за реальное¹), влияние метафизики, говорим мы, которая, несмотря на удары позитивного знания, имеет ещё глубокие корни в уме большинства людей нашего времени, заставляет многих понимать правительство, как моральную сущность, наделённую известными атрибутами разума, справедливости, равенства, независящими от лиц, которые состоят в правительстве.

¹ «Человечество, гос. Милль, во все века было склонно думать, что всякой сложной идее, которую ум составил для себя, действуя на свои представления об единичных вещах, соответствует внешняя реальность»

Для них правительство или, лучше, государство есть абстрактная социальная власть; это всегда отвлечённый представитель всеобщих интересов; это выразитель права всех, рассматриваемого, как граница права каждого. Так понимают правительство лица, в интересах которых спасти принцип авторитета и сделать незаметными грехи и ошибки тех, которые стоят у власти.

Для нас правительство есть собрание правителей; и правители, короли, президенты, министры, депутаты и т. п., – это те, которые имеют возможность издавать законы, чтобы управлять отношениями людей между собой, и принуждать выполнять их; налагать и взимать налоги; принуждать к военной службе; судить и наказывать идущих против законов; наблюдать и санкционировать частные договоры, монополизировать известные (или, по желанию, все) отрасли производства и общественные службы; благоприятствовать или препятствовать обмену продуктов; объявлять войну или заключать мир с правителями других стран, жаловать или отнимать льготы и т. д., и т. д. Одним словом, правительство это те, которые имеют власть, большую или меньшую, пользоваться социальной силой – физической, интеллектуальной, или экономической, – силою всех, чтобы заставить всех делать то, что они желают сами. Эта учреждённая власть и есть, по нашему мнению, принцип правительства, принцип авторитета.

Но разве желательно существование правительства?

Почему следует сложить с себя в руки нескольких нашу собственную свободу, нашу собственную инициативу? Зачем давать им возможность завладеть, согласно или против желания каждого, силою всех и располагать ею по своему желанию? Или они настолько наделены, что могут занять место массы и предусматривать интересы людей лучше, чем это сумели бы сделать сами заинтересованные? Разве они непогрешимы и неподкупны, что им можно доверить судьбу каждого и всех?

И даже если бы в мире существовали люди с бесконечной добротой и знанием, если бы даже, – гипотеза чего ещё никогда не подтверждалась в истории и что, мы полагаем, невозможно проверить, – власть правления перешла бы к наиболее способным и лучшим, то владение властью ничего не прибавило бы к их благотворному влиянию или, скорее, парализовало бы его по необходимости, так как лучшую часть своей энергии они потеряли бы на то, что бы удержать за собой власть, чтобы удовлетворить друзей, чтобы обуздать недовольных и непокорных.

Впрочем, хорошие или дурные, умные или невежественные, кто такие правители?

Кто назначил их на такую высокую обязанность? Поставили ли они сами себя по праву войны, завоевания или революции? Но тогда, какую гарантию имеет народ, что они внушат себе желание удовлетворять требованиям всеобщей пользы? Ведь это прямой вопрос присвоения; и для подданных, если только они недовольны, остаётся силой освободить себя от ига. Может быть, они избраны одним классом, одной партией? Но тогда интересы и идеи этого класса будут торжествовать, тогда как желания и интересы других будут приноситься в жертву. Быть может, они избраны всеобщей подачей голосов? Но тогда критерием будет только число, которое, как известно, не доказывает ни справедливости, ни понимания, ни способности. В таком случае избранными будут те, которые лучше умеют обманывать массу, и меньшинство, которое может быть одним менее половины, будет приноситься в жертву: и это, не считая того, что опыт показал невозможность найти избирательный меха-

низм, посредством которого были бы избираемы действительные представители большинства.

Есть много различных теорий, посредством которых пытались объяснить и оправдать существование правительства. Все они, в общем, основаны на предвзятой мысли, что люди имеют противоположные интересы и что нужна внешняя, высшая сила, чтобы принудить одних уважать интересы других, предписывающая и налагающая такие правила поведения, которые привели бы в гармонию, насколько возможно, борющиеся интересы так, чтобы каждый получил самое великое удовлетворение с возможно меньшими жертвами.

Если, говорят теоретики, отстаивающие необходимость власти, интересы, стремления, желания одного индивида противоположны интересам, стремлениям, желаниям другого индивида или даже всего общества, то кто будет иметь право и силу принудить одного уважать интересы других? Кто может помешать такому гражданину нарушать всеобщую волю? Свобода каждого, говорят они, имеет пределом свободу других; но кто установит эти границы, и кто станет уважать их? Естественный антагонизм интересов и влечений создаёт необходимость правительства и оправдывает власть, которая опирается на умеренность в социальной борьбе и определяет права и обязанности каждого.

Так говорит эта теория; но чтобы быть правильными, теории должны быть основаны на фактах и быть в состоянии их объяснить; а известно, что теории часто придумываются, чтобы оправдать факты, иначе, чтобы защитить привилегии и чтобы заставить спокойно их принять.

Поэтому, рассмотрим раньше факты.

История нам показывает, что всегда, как и ныне, правительство – это грубое, жестокое, своевольное господство нескольких над массой – орудие, назначенное для укрепления господства и привилегий тех, которые силою или хитростью или по наследству отняли все средства к жизни, в особенности землю, – господство, служащее для того чтобы держать народ в рабстве и принуждать того, работать на них.

Угнетают людей двумя способами: или прямо, посредством грубой силы, физического насилия, или косвенно, крадя у них все средства к существованию и покоряя их, таким образом, своей власти. Первый способ есть начало власти или политической привилегии, второй – начало экономической привилегии.

Можно ещё угнетать людей, действуя на их ум и чувства; это религиозная власть; но как ум – только результат материальных сил, так и ложь и учреждения устроенные, что бы размножать её, (церковь, школа и т. д.) не имеют в оправдание своего существования ничего, кроме того, что они – результат политических и экономических привилегий, средство для защиты и укрепления их.

Когда в первоначальных обществах, не очень многочисленных, в социальных отношениях, не очень усложнённых, одно какое-нибудь обстоятельство препятствовало тому, чтобы образовались привычки, обычай солидарности или уничтожало те, которые уже существовали, и утверждало господство человека над человеком, тогда две власти, политическая и экономическая, соединялись в одних и тех же руках, которые, при случае, могут быть руками одного человека. Те, которые силою победили и устрашили других, располагают и самими побеждёнными и их имуществом

и принуждают их служить себе, работать на себя и делать всё по своей воле. Они в одно и то же время – и владетели и законодатели, короли, судьи и палачи.

Но с ростом общества, с увеличением числа потребностей, с усложнением социальных отношений долгое существование такого правительства сделалось невозможным. Господствующие, чтобы себя обезопасить или ради выгоды, или по невозможности поступать иначе, необходимо должны, с одной стороны, опереться на один привилегированный класс или на известный класс индивидов, заинтересованных в их господстве, с другой стороны, сделать так, чтобы каждый заботился по мере сил о своём собственном существовании, откладывая для них высшее господство, т. е. право эксплуатировать всех и в тоже время удовлетворять честолюбие властью. Вот таким образом, под эгидою власти, вместе с её покровительством и соучастием, а часто и без её ведома, вследствие недостатка контроля развивается частная собственность, иначе говоря класс собственников. Последние мало-помалу концентрируют в своих руках средства производства истинные начала жизни, земледелие, промышленность, торговлю и т. д., кончая тем, что устанавливают власть, которая, благодаря превосходству средств и множеству выгод, которыми она пользуется, достигает того, что всегда подчиняет, более или менее открыто, политическую власть, правительство, делая его своим жандармом.

Это явление повторялось несколько раз в истории. Каждый раз, когда во время нашествия или военного предприятия грубая физическая сила брала верх в обществе, победители выказывали стремление сконцентрировать в своих руках правление и собственность. И всегда необходимость для правительства примиряться с участием в нём могущественного класса, требования производства, невозможность за всем уследить и всем управлять восстановляли частную собственность, деление двух властей, а вместе с тем и действительную зависимость тех, которые владели силой правителей, от тех, которые владели средствами силы, собственников. Правительство всегда кончало роковым образом тем, что делалось стражем собственности.

Но никогда это явление не было так заметно, как в наши дни. Развитие производства, огромное распространение торговли, чрезмерное могущество, приобретённое золотом и все экономические факты, вызванные открытием Америки, изобретением машин и т. п. так упрочили верховное могущество за классом капиталистов, что он, не довольствуясь тем, что располагал поддержкой правительства, хотел, чтобы правители были из его среды. Правительство, которое брало своё происхождение из права завоевания (из права божественного, говорят короли и их священники), поскольку обстоятельства подчиняли его классу капиталистов, постоянно сохраняло горделивую осанку и пренебрежительное отношение к своим бывшим рабам, обогатившим[ся] и желавшим одного – независимости и господства. Это правительство было хорошим защитником, жандармом собственников, но было из тех жандармов, которые много думают о себе и делаются высокомерными по отношению к тем, которых они должны сопровождать и защищать, если только на первом повороте дороги не обирают и не убивают их. Класс капиталистов избавлялся и избавляется от него более или менее насилиственным способом, подставляя вместо него правительство, избранное им же самим, состоящее из членов его класса, постоянно находящееся под его контролем.

Таково происхождение современной парламентарной системы.

Теперь правительство, составленное из собственников и лиц, состоявших у них на службе, все в распоряжении собственников; оно таково, что часто сами богатые даже презирают быть частью его. Ротшильд не имеет нужды быть ни депутатом, ни министром: ему достаточно иметь в своём распоряжении депутатов и министров.

Во многих странах пролетариат номинально имеет более или менее широкое участие в избрании правительства. Это уступка, сделанная буржуазией, чтобы получить помочь народа в борьбе против королей и аристократии или чтобы отвратить от народа мысль об эмансиpации, давая взамен того подобие суверенитета.

Предвидела ли это буржуазия, когда уступала народу право голоса, или нет – неизвестно; известно только, что оно хорошо только для укрепления власти буржуазии, давая самой энергичной части пролетариата обманчивую надежду достичь власти.

Даже при всеобщей подаче голосов, мы могли бы сказать, в особенности при всеобщей подаче голосов, правительство остаётся жандармом буржуазии. Если бы это было иначе, если бы правительство угрожало сделаться враждебным, если бы демократия могла бы быть чем-либо другим, кроме как средством обманывать народ, буржуазия, интересам которой оно угрожало, приготовилась бы к бунту и употребила бы всю свою силу и всё влияние, которые даёт ей владение богатствами, чтобы призвать правительство к себе на службу для выполнения функций простого жандарма.

И всегда, везде, каково бы ни было название, которое принимает правительство, каковы бы ни было его происхождение и организация, его существенная функция – постоянно угнетать и эксплуатировать массу, защищать угнетателей и монополистов; его главные, характерные и необходимые органы: жандарм и взиматель налогов, солдат и тюремщик, к которым неминуемо присоединяется торговец ложью – священник, или профессор, получающий жалованье и покровительство со стороны правительства за то, чтобы порабощать умы и делать их покорными игу.

Известно, что к этим первоначальным функциям, к этим существенным органам правительства, в течение всей истории присоединялись и другие функции, другие органы. Правда, что ни в одной даже мало цивилизованной стране никогда или почти никогда не существовало правительства, которое, кроме функций угнетения и грабежа, не присваивало бы себе также полезных и необходимых для социальной жизни функций. Но это ничуть не исключает того факта, что правительство уже от природы – угнетатель и грабитель, что оно вследствие своего происхождения и положения фатально влечётся к защите и усилению господствующего класса; этот факт только подтверждает то, что мы уже говорили.

Обычно, правительство принимает на себя задачу защищать, более или менее, жизнь граждан против прямых и жестоких нападений. Оно признаёт и узаконяет известное число прав, первоначальных обязанностей, обычаяев, привычек, без которых невозможно жить в обществе. Оно организует и управляет некоторыми общественными учреждениями, как то: почтами, дорогами, общественной гигиеной, водными путями, защитой лесов и т. п.; оно открывает приюты для сирот и госпитали, так как ему приятно показать себе (что вполне понятно) защитником и благодетелем бедных и слабых. Но достаточно рассмотреть, как и почему оно исполняет эти функции, чтобы иметь фактическое доказательство, что всё, что правительство делает, постоянно внушено ему его стремлением к господству, чтобы защитить, увеличить, упрочить

свои привилегии, а также привилегии того класса, представителем и защитником которого оно является.

Правительство не может долго существовать, не скрывая своих стремлений под видом всеобщей пользы; оно не может заставить уважать жизнь привилегированных, не показывая ясно, что желает, чтобы уважали всех; оно не может заставить признать привилегии, не делая вида, что стоит на страже права всех. «Закон», говорит Кропоткин, иначе – те, которые сделали закон – или правители, «закон утилизировал социальные чувства человека, чтобы провести вместе с правилами морали, которые человек принял, порядки полезные для меньшинства хищников, против которых он готов был бы восстать».

Правительство не может желать, чтобы общество само защищалось, потому что тогда исчез бы для него и для господствующего класса материал для эксплуатации. Правительство не может позволить, чтобы общество само управлялось, потому что тогда народ очень скоро заметил бы, что правительство ни к чему не служит, разве только для защиты собственников, которые его, т. е. народ, изнуряют голодом, и приготовился избавиться от правительства и собственников.

В настоящее время, перед настоящими и угрожающими протестами пролетариата, правительства выказывают стремление вмешаться в отношения между хозяевами и рабочими. Они пытались сбить с пути рабочее движение, препятствовать ему несколькими обманчивыми реформами, чтобы бедные сами не взяли себе, то, в чём они нуждаются, иначе сказать, часть жизненных благ, равную той, которой пользуются другие. Сверх того, надо принять в расчёт ещё то, что с одной стороны, сами буржуа, иначе собственники, постоянно способны возбудить междуусобицы, погубить друг друга, с другой, правительство, сын, раб и защитник буржуазии, как и всякий холоп, стремится к эманципации и, как защитник стремится к господству над находящимися под его покровительством. Отсюда эти судороги, эти уступки, даваемые и отнимаемые, эти попытки консерваторов объединиться против народа: всё, что для правителей является опытом, а для наивных и вялых ожидающих блага всегда сверху – иллюзией.

Вместе с тем правительство не меняет своей сущности, если оно поставило себя на стражу прав и обязанностей каждого; оно извратило чувство справедливости, признавая преступление и наказывая за всякий акт, оскорбляющий или угрожающий привилегиям правителей и собственников; оно объявляет справедливую, «легальную» самую страшную эксплуатацию несчастных, медленное и постоянное, нравственное и физическое убийство, учиняемое владельцами над невладеющими.

Если оно делает себя администратором в общественных учреждениях, оно постоянно думает об интересах правителей и собственников, оно занимается интересами трудящихся масс постольку, поскольку необходимо, чтобы массы были согласны им платить. Если правительство облекается в тогу наставника, то препятствует распространению истины и старается подготовить ум и сердце молодых людей к тому, чтобы они сделались или неумолимыми тиранами или послушными рабами, сообразно с классом, из которого они вышли. Всё в руках правительства является средством для удержания народа в оковах.

Должно быть так. Если жизнь человеческая есть борьба между людьми, то естественны победители и побеждённые, и правление, которое является наградой в

борьбе или средством упрочить за победителями результаты победы и увековечить их конечно, никогда не будет в руках тех, которые погибли, всё равно в какой борьбе – физической, интеллектуальной или экономической. Те, которые боролись, чтобы победить, чтобы завоевать и упрочить за собой привилегии, начальство и власть, раз победа одержана, конечно, не будут думать о том, чтобы защитить права побеждённых или чтобы положить предел желаниям своим, своих друзей и сторонников.

Правительство или, как называют его, государство – друг правосудия, регулятор в социальной борьбе, беспристрастный администратор интересов общества есть ложь, одна иллюзия, утопия, которая никогда не была и не будет реальной.

Если бы интересы людей должны были быть противоположны, если бы борьба между людьми была необходимым законом человечества, если бы свобода одних должна была служить границей свободы других, тогда каждый стремился бы заставить торжествовать свои собственные интересы над интересами других; каждый стремился бы увеличить свою свободу в ущерб свободе других. Если должно было бы иметь правительство не потому, что это было бы более или менее полезно для всех членов общества, но потому, что победители хотели бы упрочить плоды победы, вполне покоряя побеждённых и освобождая себя от труда, быть постоянно на страже, поручая свою защиту людям, специально приученным к ремеслу жандарма, тогда ведь человечеству пришлось бы погибнуть или биться между тиранией победителей и возмущением побеждённых.

К счастью, будущее человечества более светло, потому что закон, управляющий им, более мягок.

Этот закон – Солидарность.

Известно, что человек имеет два весьма глубоких инстинкта: «инстинкт самосохранения», без которого ни одно живое существо не может существовать, и «инстинкт сохранения рода», без которого ни один род не может ни образоваться, ни продолжаться. Отсюда человек невольно защищает своё существование и благосостояние, равно как и своего рода, против всего и всех.

Уже от природы живые существа имеют два способа упрочить и сделать более спокойным своё существование: 1) индивидуальная борьба против стихий и других индивидов своего или отличного рода; 2) взаимопомощь, кооперация, так сказать «ассоциация для борьбы» против всех естественных факторов, противодействующих существованию, развитию и благосостоянию членов ассоциации.

Здесь, на этих нескольких страницах, мы не будем останавливаться на истории развития этих двух принципов в эволюции органической жизни: «борьбы» и «кооперации».

Для нас достаточно констатировать в истории человечества как то, что кооперация, насилиственная или добровольная, сделалась средством прогресса, совершенствования и безопасности, так и то, что борьба, остающаяся атавической, стала неспособна способствовать благосостоянию индивидов, но, напротив, принесла зло для всех, для победителей и для побеждённых.

Опыт многих поколений показал человеку, что его безопасность более верна, его благосостояние более велико, если он соединяется с другими людьми. И вот, вследствие этой самой борьбы за существование, ведённой против окружающей природы, против индивидов своего рода, у людей развился социальный инстинкт,

существенно изменивший условия его существования. Силою этого инстинкта человек мог выйти из животного состояния, подняться на высшую степень могущества и столь возвыситься над другими животными, что спиритуалисты-философы сочли необходимым изобрести для него нематериальную и бессмертную душу.

Много причин способствовало образованию этого социального инстинкта, который, исходя от животного инстинкта сохранения рода, что уже есть социальный инстинкт, ограниченный рамками естественной семьи, установил теперь основание моральной природы человека.

Выходя из состояния дикости, человек был слабым и беззащитным для индивидуальной борьбы с плотоядными животными. Но имея мозг, способный развиваться, голосовой орган, способный выражать различные мозговые ощущения различными звуками, руки, способные давать материалу желательную форму, он должен был очень скоро почувствовать необходимость и преимущества ассоциации; можно даже сказать, что он выделился человечностью только, когда сделался общественным, и что тогда же он приобрёл навык к речи, что есть сразу и последствие, и могущественный фактор общественности.

Относительно ограниченное в первобытную эпоху число людей, борьба человека с человеком за существование, менее острая, менее постоянная и менее необходимая, – всё это сильно способствовало развитию чувств симпатии и помогало констатировать и ценить пользу взаимной помощи.

К этому присоедините ещё способность человека, приобретённую в кооперации, благодаря его природным качествам, изменять вместе с большим числом лиц, участвующих в ассоциации, окружающую среду и приспособлять её к своим потребностям; множество желаний, которые росли вместе со средствами их удовлетворять и делались необходимыми; разделение труда, следствие методической эксплуатации природы в пользу человека – всё это делало общественную жизнь для человека необходимой средой, вне которой он не может жить, не впав в животное состояние.

И вот, благодаря утончённой чувствительности, вследствие разнообразия отношений; благодаря привычке, полученной в роду по наследственной передаче в продолжение тысячи лет, эта потребность общественной жизни, обмена мыслями, чувствами между людьми сделалась непременной привычкой нашего организма. Она изменяется в симпатию, дружбу, любовь и существует до того независимо от материальных выгод ассоциации, что для удовлетворения её люди переносят все страдания и даже смерть.

В общем, огромные выгоды, которые ассоциация даёт человеку; физическая слабость (непропорциональная его умственному превосходству), которая ставит его наравне с животными, если он остаётся вне общества; возможность для человека соединяться в постоянно возрастающее число индивидов, входить в самые сложные и близкие отношения, вплоть до распространения ассоциации на всё человечество, на всю жизнь; и в особенности, возможность для человека, работая в сообществе с другими, производить более, чем необходимо для существования; наконец, чувства симпатии, которые вытекают из всего этого, дали борьбе за существование среди людей совсем другой характер, чем борьбе, существующей среди других животных.

Как бы там ни было, но теперь известно, – исследования современных натуралистов каждый день приносят новые доказательства, – что кооперация имела и нам

имеет в развитии органического мира весьма большое значение, которого не подозревали те, кто хотел оправдать – хорошо или худо – царство буржуазии теориями дарвинистов, ибо расстояние между борьбой у людей и борьбой у животных остаётся огромным и пропорциональным тому расстоянию, которое отделяет человека от других животных.

Другие животные борются или в одиночку или маленьными, постоянными или временными группами, против всей природы, включая сюда и других индивидов своего собственного рода. Даже самые общественные животные, как муравьи, пчелы и т. п. солидарны с индивидами того же самого муравейника или улья и индифферентны к другим общинам их рода (если не ведут борьбу с ними). Человеческая борьба, напротив, старается всё более расширить ассоциацию среди людей, сделать солидарными их интересы, распространить чувство любви каждого человека на всех людей, победить и господствовать над внешней природой с человечеством и для человечества. Всякая же борьба, непосредственно направленная на завоевание преимуществ, независимо от других людей или даже против них, противоречит общественному инстинкту человека и пытается вернуть его к животной жизни.

Солидарность, т. е. гармония интересов и чувств, действие каждого благу всех и всех благу каждого, есть единственное состояние, в котором человек может выразить свои природные способности и достичь величайшего развития и наибольшего благосостояния. Это цель, к которой движется человечество, это – высший принцип, который разрешает всё существующие противоречия, иначе неразрешимые, и делает то, что свобода одного не имеет предела, но дополнение, необходимое для её существования, в свободе других.

«Ни один человек, говорил Бакунин, не может познать свою собственную человеческую природу и, следовательно, осуществить её требования, не признавая их также в других и не содействуя их осуществлению у других. Ни один человек не может себя эмансириовать, не эмансирируя вместе с тем всех окружающих людей. Моя свобода есть свобода всех, потому что я только тогда могу быть действительно свободен, свободен не только в мыслях, но и на деле, когда моя свобода и моё право находят себе подкрепление, санкцию в свободе и праве всех людей, мне равных.

Положение других людей для меня очень важно, потому что, каким бы независимым ни казалось моё общественное положение, будь я папа, царь, император или первый министр, я всегда продукт того же, что и последние из людей; если они невежественны, несчастны, рабы, моё существование ограничено их невежеством, их нищетой, их рабством. Я, скажем, человек образованный и интеллигентный – и я глуп вследствие их глупости; я мужествен – и я раб вследствие их рабства; я богат – и я трепещу вследствие их нищеты; я привилегированный; я бледнею перед их правосудием. Я, который хочу быть свободным, не могу им быть, потому что вокруг меня все люди не хотят ещё быть свободными и, не желая этого, они становятся по отношению ко мне орудиями угнетения».

Солидарность является также условием, при котором человек достигает высшей степени безопасности и благоденствия, следовательно, даже эгоизм (т. е. исключительная забота о своих личных интересах) влечёт человека и человеческое общество к солидарности; или лучше сказать, эгоизм и альтруизм (забота об интересах других)

сливаются в одном чувстве подобно тому, как сливаются в одном интересе интересы индивида и общества.

Но человек не мог перейти черты от животности к человечности, от жестокой борьбы человека против человека к борьбе, связывающей всех людей, как братьев, против внешней природы.

Получая выгоды, которые даёт ассоциация с разделением труда, человек двигался к солидарности; но его эволюция встретила препятствие, которое изменило её направление и которое заставляет её, ещё и ныне, сбиваться с пути к своей цели. Человек открыл, что он мог, до известной степени, для своих первоначальных материальных, единственно которые он тогдачувствовал, потребностей реализовать выгоды кооперации, подчиняя своей прихоти других людей, вместо того, чтобы сделать их соучастниками; и так как дикие, антисоциальные инстинкты, унаследованные от предков, были ещё сильны в нём, то он заставил самых слабых работать на себя, предпочитая господство ассоциации. Быть может, эта эксплуатация, в большинстве случаев, и была даже причиной того, что человек в первый раз понял пользу ассоциации, пользу, которую человек может получать от помощи другого.

Знакомство с пользой ассоциации, которое должно было привести к торжеству солидарности во всех человеческих отношениях, напротив, привело к установлению частной собственности и правительства или эксплуатации труда всех горстью привилегированных.

Мы сказали: к установлению частной собственности и правительства, т. е. опять-таки к ассоциации, кооперации, вне которой невозможна социальная жизнь; но это была ассоциация, управляемая несколькими в их частных интересах.

Вот здесь и кроется то противоречие, которое заметно во всей истории человечества, противоречие между стремлением к ассоциации и братству для завоевания и приспособления внешнего мира к потребностям человека удовлетворения моральных чувств и стремлением разделиться на столько отдельных враждебных групп, сколько существует групп, определённых географическими, этнографическими или экономическими условиями, сколько существует людей, которые сумели завоевать привилегии и хотят удержать их за собой и умножить, сколько существует людей, которые ещё надеются захватить привилегии, сколько существует, наконец, таких, которые, страдая от несправедливости и привилегий, восстают и хотят освободиться.

Принцип – «каждый за себя» или, что тоже, борьба всех против всех, – возник, чтобы сбить с пути, парализовать борьбу всех против природы, единственно способную дать счастье человечеству, потому что борьба, только основываясь на принципе «все за одного и один за всех», может достичь своей цели.

Человечество перенесло бесчисленные бедствия вследствие вмешательства государства и эксплуатации в человеческую ассоциацию. Но, несмотря на жестокое угнетение масс, несмотря на нищету, несмотря на пороки, преступления, унижения, которые нищета и рабство произвели среди рабов и хозяев, несмотря на накопившуюся ненависть, несмотря на истребительные войны, несмотря на антагонизм искусственно созданных интересов, социальный инстинкт выжил и даже развился. Кооперация, будучи постоянно необходимым условием успешной борьбы человека против внешней природы, остаётся причиной постоянного единения людей и развития чувств симпатии между ними. Само угнетение масс сделало угнетённых

братьями между собой. Только благодаря солидарности, распространившейся между угнетёнными, последние могли переносить притеснения, только благодаря ей человечество сопротивлялось смерти, внедрившейся в его существо.

Огромное развитие производства, умножение таких потребностей, которые могут быть удовлетворены только благодаря содействию большого числа людей всех стран, средства сообщения, привычка к путешествиям, наука, литература, торговля, даже войны соединяли, и всегда соединяют, человечество в одно целое, части которого, солидарные между собой, находят свою целость и свободу развития только в нормальном существовании других частей и целого.

Житель Неаполя, например, столь же заинтересован в оздоровлении плохой деревушки своей местности, сколько в улучшении гигиенических условий народов берегов Ганга, откуда к нему приходит холера. Свобода, благосостояние, будущность горца, затерявшегося в Апеннинах, зависит не только от благосостояния или нищеты жителей его деревушки или от общего положения итальянского народа, но также и от положения рабочего класса в Америке или Австралии, от открытых шведского учёного, от войны или мира где-нибудь в Африке, вообще, от всех обстоятельств, которые, хотя бы в одной какой либо точке света, влияют на человеческое существование.

При настоящем положении общества, эта широкая солидарность, объединяющая всех людей, по большей части, бессознательна, потому что случайно возникает из конфликтов частных интересов, между тем как вообще люди мало заботятся об общих интересах. Вот это самое очевидное доказательство того, что солидарность – естественный закон человечества, который существует и действует, несмотря на все препяды, созданные современными социальными учреждениями.

С другой стороны, угнетённые массы, которые никогда не были вполне покорны угнетению и нищете и которые теперь более, чем когда-либо, выказывают жажду справедливости, свободы и счастья, начинают понимать, что они могут добиться эманципации только при единении, солидарности со всеми угнетёнными, со всеми эксплуатируемыми целого мира. Они поняли наконец, что условие «*sine qua non*» их эманципации есть владение средствами производства, землёй и орудиями труда, т. е. уничтожение частной собственности. Наука, наблюдение за общественным развитием показывают, что это уничтожение принесло бы огромную пользу для самих же привилегированных, если бы только они захотели отказаться от господства и работать вместе со всеми для общего блага.

Разве необходимо было бы существование правительства, если бы однажды угнетённые массы отказались работать на других, если бы они взяли у собственников землю и орудия производства и пожелали употребить их для себя, в свою пользу, т. е. для всех; если бы они отказались переносить господство грубой силы и экономических привилегий; если бы братство народов, чувство человеческой солидарности, укреплённое общностью интересов, положили конец войнам и завоеваниям?

Когда частная собственность уничтожена, правительство, её защитник, должно исчезнуть. Если бы оно пережило этот переворот, то всегда пыталось бы восстановить, в какой бы то ни было форме, класс привилегированных, угнетателей.

Уничтожение правительства не означает и не может означать уничтожения социальной связи. Скорее напротив, кооперация, направленная теперь непосредственно

к выгоде нескольких, будет свободна, добровольна, выгодна для всех, и сделается более интенсивной и сильной.

Социальный инстинкт, чувство солидарности, разовьётся в самой высокой степени; каждый человек будет делать всё, что может, для блага других людей, чтобы удовлетворить своим лучшим чувствам, а также из верно понятого интереса.

И вот, из свободного содействия всех, благодаря свободной группировке людей сообразно их потребностям и симпатиям, снизу до верху, от простого до сложного, исходя из самых частных интересов, чтобы прийти к общим, возникнет такая социальная организация, которая поставит целью величайшее благо и свободу всех, которая соединит всё человечество в одну братскую общину, которая будет изменяться, улучшаться с изменением обстоятельств и по указанию опыта. Это общество свободных людей, это общество друзей – анархия.

В предыдущем мы рассмотрели правительство таким, как оно есть, каким оно необходимо должно быть в обществе, основанном на привилегии, на эксплуатации и угнетении человека человеком, на антагонизме интересов, на борьбе, одним словом, на частной собственности.

Мы видели, что это состояние, далеко не необходимое условие человеческой жизни, противоречит интересам индивида и человеческого рода; мы видели, что кооперация, солидарность есть закон человеческого прогресса, и из этого заключили, что с уничтожением частной собственности и всякого господства человека над человеком правительство теряет всякое *prison d'etre* и должно исчезнуть.

«Но могут нам возразить, измените принцип, на котором основана в настоящее время общественная организация, замените борьбу солидарностью, частную собственность – общею, вы измените только характер правительства, которое будет уже не покровителем и представителем интересов одного класса, ибо классы не существовали бы более, а представителем интересов всего общества. Оно имело бы своим назначением упрочить новое положение вещей и управлять, имея в виду интересы всех, социальной кооперацией, исполнять главные общественные обязанности, защищать общество от возможных попыток восстановления привилегий, предупреждать и подавлять покушения нескольких на жизнь, благосостояние и свободу каждого».

Есть, де, в обществе такие функции, которые требуют такой твёрдости и постоянства, что не могут быть оставлены на добрую волю индивидов без риска видеть их приведёнными в беспорядок.

Кто организует, кто обеспечит, без правительства, организации: продовольственную, распределения, гигиены, почт, телеграфов, железных дорог и т. д.? Кто будет заботиться о всеобщем обучении? Кто предпримет те великие труды по исследованию, по оздоровлению, те научные предприятия, которые изменяют вид земли и увеличивают силы человека?

Кто будет неусыпно следить за сохранением и умножением общественного капитала, чтобы передать его будущему человечеству?

Кто будет препятствовать истреблению лесов, нерациональной эксплуатации, а следовательно, и истощению почвы?

Кому будет поручено предупреждать пороки, т. е. антисоциальные акты?

А те, которые, оставляя без внимания закон общественной солидарности, не пожелали бы работать? А те, которые стали бы распространять в стране заразу, отказываясь подчиняться правилам гигиены, признанным наукой полезными?

А если бы были лица, безумцы или нет, которые пожелали бы поднять восстание, насиливать детей и употребить против самых слабых физическую силу?

Уничтожить частную собственность и существующие правительства, не восстановляя правительства, которое организует коллективную жизнь и упрочит общественную солидарность, – не значит уничтожить привилегии и принести человечеству мир и благополучие: это будет уничтожением всякой социальной связи, возвращением человечества к варварству, к жизни для себя, что означает сначала торжество грубой силы, а потом и экономических привилегий.

Вот возражения, которые нам ставят авторитеты, даже и из социалистов, т. е. те, которые желают уничтожения частной собственности и правительства собственников.

Ответим.

Прежде всего неправда, что при изменении социальных условий правительство изменяется в свойствах и в функциях. Органы и функции термины неразделимые. Лишите орган его функций – или орган умрёт, или функции восстановятся; оставьте армию в стране, где нет ни основания, ни боязни внутренней или внешней войны, она провозгласит войну или, если это не удастся, разойдётся. Там, где нет преступлений, где нет преступников, полиция изобретёт их или перестанет существовать.

Во Франции существует уже столетия одно учреждение, присоединённое ныне к управлению лесами, так называемое, «louveterie», чиновники которого обязаны руководить уничтожением волков и других хищных зверей. И никто не удивится тому, что вследствие существования этого учреждения волки ещё существуют во Франции и зимой находят много жертв. Народ мало занимается волками, потому что ведь есть «louvetiers», которые должны этим заниматься. Последние устраивают прекрасные охоты, но устраивают искусно, щадя гнезда и оставляя время для размножения волков, чем устраняют риск уничтожения столь интересной породы. Действительно, французские крестьяне мало питают доверия к этим истребителям волков, считая их скорее хранителями. Да и понятно: что осталось бы делать чиновникам, если бы волки исчезли?

Правительство, т. е. определённое число лиц, которым поручено составлять законы, которые пользуются силою всех, чтобы принудить каждого исполнять их, устанавливает привилегированный и отдельный от народа класс. Оно инстинктивно старается, как и всякое тело (общество), устроенное для умножения своих атрибутов, избежать контроля народа, внушить свои желания, заставить господствовать свои частные интересы. Поставленное в привилегированное положение, правительство находится в антагонизме с массой, силой которой оно ежедневно пользуется.

Впрочем, если бы правительство даже и желало, оно не могло бы удовлетворить всех; если оно сумело бы удовлетворить нескольких, оно должно было бы защищаться против недовольных и для того покровительствовать одной части народа, чтобы быть ею поддержаным. Итак, снова началась бы старая история привилегированного класса, который образуется при соучастии правительства и который, если на этот раз

не делается собственником земли, конечно, присваивает места, созданные для этого случая, и бывает не менее угнетателем, не менее хищником, чем класс капиталистов.

Правители, привыкнув к власти, не пожелали бы возвратиться в толпу; если бы они не могли сохранить власть, они, по крайней мере, укрепили бы за собой привилегированное положение для того момента, когда им пришлось бы уступить эту власть другим. Они употребили бы все средства, которые даёт власть, чтобы заставить преемниками себе избрать своих друзей, которые, в свою очередь, их поддерживали бы и протежировали им. Правление всё осталось бы в одних и тех же руках и «демократия», т. е. «протяжённое» правление всех, окончилось бы, как и всегда, «олигархией», т. е. правлением нескольких, правлением одного класса.

И как была бы всемогуща и репрессивна олигархия, которая имела бы по своей должности, т. е. в своём распоряжении весь общественный капитал, все общественные службы, начиная от продовольствия до фабрикации спичек, с университетов до театров, опереток!!!

Но допустим, что правительство само по себе не устанавливает привилегированного класса и что оно могло бы, не образуя около себя нового класса привилегированных, оставаться представителем, если хотите рабом, всего общества. Что случилось бы тогда! Чем и как оно умножило бы силу, знание, дух солидарности, заботу о благе всех и будущего человечества, которые к тому времени уже существовали бы в обществе?

Всё это та же старая история человека в цепях, который существует несмотря на цепи, считает их необходимым условием жизни.

Мы привыкли жить под властью правительства, которое приспособило все те силы, знания и стремления, которые можно направлять к известным целям, и ставит препятствия, парализует, стесняет те, которые для него бесполезны или враждебны – и мы воображаем, что всё в обществе – работа правительства, что без правительства не существовало бы в обществе ни силы, ни знания, ни благих стремлений. Так, (мы уже говорили это) собственник, который завладел землёй, заставляет её обрабатывать для своей личной пользы, оставляя работнику только самое необходимое, чтобы он мог и хотел продолжать работать, и работник, как раб, думает, что он не мог бы жить без хозяина, как будто тот создал землю и силы природы.

Что может правительство прибавить к моральным и материальным силам общества? Не будет ли оно творить нечто из ничего? Но так как ничто не создавалось в так называемом материальном мире, то тем более ничто не создаётся в социальном мире, в этой более усложнённой форме материального мира. Вот почему правительство может располагать только силами, существующими в самом обществе, исключив из них весьма многие силы, которые им парализуются и уничтожаются, исключив также противодействующие ему силы, и силы, потерянные в трениях, весьма частых в столь сложном механизме.

И если правительства всё-таки иногда что-нибудь дают, то это как люди, а не как правители. Из всех материальных и моральных сил, которые остаются в распоряжении правительства, только незначительная часть их употребляется действительно полезным образом для общества. Остальное тратится или для обуздания мятежных сил или для пользы нескольких во вред большинству.

Давно уже стал спорным вопрос о том, какое значение в жизни и прогрессе человеческих обществ имеют личная инициатива и социальный акт; и, в конце концов с обычным искусством метафизиков, вопрос этот запутан ещё более, причём считается наивным, в интересах лени и насилия, утверждение, что всё управляет и движется в обществе благодаря личной инициативе. В действительности это истина, которая становится вполне очевидной, если уяснить и усвоить себе следующее понятие: «Истинное (реальное) бытие, человек, индивид»; общество или собрание и государство или правительство, которое будто бы их представляет, если не пустое абстрактное понятие, то агрегат индивидов. В организме каждого человека зарождаются все мысли и человеческие поступки, которые из индивидуальных делаются коллективными, как скоро они суть или делаются общими большинству индивидов, которые составляют общество; результат мыслей, действий всех индивидов, которые составляют общество – результат, который более или менее велик, сообразно с силами или сходящимися для достижения одной и той же цели, или же расходящимися и противодействующими. В случае же, если сквозь социальный акт виден правительственный, то это также результат индивидуальных сил, некоторой части правительства или тех лиц, которые вследствие своего положения могут влиять на действия правительства.

Отсюда, вековой спор между «свободой» и «авторитетом» или, другими словами, между «социализмом» и «классовым государством» не есть вопрос об увеличении индивидуальной инициативы для подавления общественного вмешательства или наоборот. Вопрос идёт о том, чтобы помешать нескольким индивидам быть в состоянии угнетать других; дать всем одни и те же права и средства; установить инициативу всех, что естественно даёт всем выгоду, вместо инициативы нескольких, что, неизбежно, ведёт к притеснению всех несколькими. Вообще, всегда дело идёт о том, чтобы уничтожить господство и эксплуатацию человека над человеком таким образом, чтобы все были заинтересованы в общем благосостоянии, и чтобы индивидуальные силы, вместо того чтобы быть угнетёнными или бороться и уничтожать одна другую, нашли бы возможность полного развития и соединились бы между собой для самой великой выгоды – выгоды всех.

Вывод из всего того, что мы сказали, это правительство, даже если оно будет идеальным правительством социалистов-авторитаристов, вовсе не увеличивало бы производительные, организаторские и попечительные силы, но безмерно их уменьшило бы, присваивая инициативу нескольким и давая этим нескольким право всё делать, будучи не в состоянии, конечно, им дать дар всё знать.

И действительно, если вы отнимите из законодательства и всех трудов правительства всё, что создано для защиты привилегий и что представляет волю самих же привилегированных, то, что останется, что не было бы результатом деятельности всех?

«Государство, – говорил Сисмонди, – это всегда консервативная власть, которая санкционирует, регулирует, организует завоевания прогресса (а история прибавляет, что оно управляет ими в пользу привилегированного класса); но оно никогда не создаёт их». Всегда идут они снизу. Они рождаются в глубине общества, из индивидуальной мысли, которая затем популяризуется, становится мнением большинства,

но должна постоянно встречаться на своём пути и бороться с властью, учредившей традиции, привычки, привилегии и страх.

Впрочем, чтобы понять, как общество может жить без правительства, достаточно взглянуть несколько вглубь нынешнего общества; мы увидим, как в действительности самая великая, самая общественная часть социальной жизни выполняется, и ныне, без вмешательства правительства и, как правительство вмешивается только для того, чтобы эксплуатировать массы, защищать привилегии и санкционировать, без пользы всё то, что совершается без него и даже вопреки и против него. Люди трудятся, вступают в меновую связь, обучаются, путешествуют, следуют по своему желанию правилам морали и гигиены, пользуются прогрессом науки и искусства, находятся между собой в разнообразнейших отношениях, без которых они чувствовали бы потребность чего-то, что налагало бы известные правила поведения. По справедливости, это вещи, в которые правительство не вмешивается, которые прекрасно идут, которые меньше всего вызывают раздоров и которые согласуются с желаниями всех так, что все находят в том пользу и удовольствие.

Теперь уже нет необходимости в правительстве для больших предприятий, для таких общественных организаций, которые требуют регулярного содействия многих лиц, стран и различных условий. Тысячи подобных предприятий теперь – труд частных ассоциаций, свободно устроенных; по всеобщему мнению, они-то более всего и преуспевают. Мы не говорим об ассоциациях капиталистов, организованных для целей эксплуатации, хотя, впрочем, они и показывают возможность и могущество свободной ассоциаций и то, как это последняя распространяется, охватывая людей всех стран и огромные, крайне разнообразные интересы. Мы говорим, скорее, об ассоциациях, которые или воодушевлённые любовью к себе подобным, или благодаря влечению к науке, или просто из желания позабавиться и заставить себе aplodировать, представляют такие группы, которые будут в обществе, в котором, по уничтожении частной собственности и борьбы между людьми, каждый найдёт свой интересы в интересах всех и наибольшее самоудовлетворение в том, чтобы делать добро и угодить другим.

Научные общества, конгрессы, международные общества помохи потерпевшим кораблекрушение, ассоциация Красного Креста, географические общества, организации рабочих, отряды добровольцев, которые стекаются на помощь во всех величайших общественных несчастиях – вот примеры, а их тысячи, этого могущественного чувства ассоциации, которое проявляется всегда, когда есть нужда в этом или когда чувствуется истинное влечение и нет недостатка в средствах. А то, что добровольные ассоциации не покрыли весь мир, не обнимают всех отраслей материальной и моральной деятельности, – так это следствие препятствий, воздвигнутых правительствами, следствие противоречий, созданных частной собственностью, следствие бессилия, унижения большинства, доведённого до этого присвоением богатств несколькими лицами. Правительство берет на себя, напр., организацию почт, железных дорог и т. д. Но чем, на самом деле, оно помогает этим организациям? Когда народ чувствует потребность в этих учреждениях и может их иметь, тогда он решает их организовать, и техники не имеют нужды в правительском патенте, чтобы приняться за дело. Чем более потребность является общей, насущной, тем более находится желающих её исполнить. Если бы народ имел возможность заботиться о производстве и распре-

делении продуктов производства, то нечего было бы бояться, что он умер бы с голоду в ожидании правительственные законов по этому вопросу. Если бы правительству надлежало себя восстановить, то оно должно было бы ждать, пока народ всё сперва не организовал бы, чтобы затем санкционировать законами и эксплуатировать то, что уже сделано. Указывают, что частный интерес – великий фактор всякой деятельности. Пусть так. Но когда интересы всех – интересы каждого, а это необходимо было бы, если бы не существовало частной собственности, то все трудятся: и вещи, в которых все заинтересованы, выделявались бы в гораздо большем количестве и лучше, чем те, в которых заинтересованы только некоторые. Трудно представить людей, которые убеждены, что работа и регулярная деятельность общественных организаций, неизбежных в социальной жизни, лучше идут, если совершаются чиновниками правительства, а не прямо работниками, которые, по выбору или по соглашению с другими, избрали этот род труда и исполняют его под непосредственным контролем всех заинтересованных.

Справедливо, что во всяком коллективном труде необходимо разделение труда, руководительство в технике, администрация и т. п. Но авторитеты зло играют словами, чтобы оправдать существование правительства действительной необходимостью организации труда.

Правительство, я повторяю ещё раз, – это собрание индивидов, которые получили или захватили право и средства составлять законы и принуждать людей повиноваться; администрация, инженеры и т. п. – это, напротив, люди, которые получают или берут на себя обязанность исполнять работу и исполняют её.

«Правительство» означает полномочие власти или сложение инициативы и суверенитета всех в руки нескольких. «Администрация» означает полномочие труда, или обязанность, возложенную и принятую, свободную перемену службы, основанной на свободном договоре. Правитель – это привилегированный, потому что имеет право командовать другими и заставлять силы других людей служить для господства своих идей и своих личных желаний. Администратор, директор фабрики и т. п. – работники, как и другие, когда дело идёт (а это понятно) об обществе, где все имеют равные средства для своего развития, где все могут быть одновременно работниками и умственного и ручного труда, где все работы, все функции дают равное право наслаждаться социальными выгодами. Нельзя смешивать функций правительства с функциями администрации, существенно различных, так как, если теперь они и находятся слитыми, то по причине экономических и политических привилегий.

Однако, поскорей перейдём к функциям правительства, функциям, которые всеми не анархистами рассматриваются, как действительно необходимые: внешняя и внутренняя охрана общества, т. е. «война», «полиция», «правосудие». Если правительства будут уничтожены, социальные богатства отданы в распоряжение всех, то все противоречия между различными народами весьма скоро исчезнут, и война не будет иметь своего «raison d'être». Прибавим ещё, что при нынешнем состоянии общества, революция, вспыхнувшая в одной стране, если не найдёт непосредственного эха повсюду, то, конечно, встретит столько сочувствия, что ни одно правительство не осмелиться послать войска за границу без риска вспышки революции в своей собственной стране. Допустим, что правительства тех стран, в которых народ ещё не завоевал полного равенства, хотели бы и могли бы попытаться вновь обратить в раб-

ство другой, свободный народ? Разве этот последний нуждался бы в правительстве для своей защиты? Чтобы начать войну, нужны люди, имеющие необходимые географические и технические сведения и в особенности массы, желающие сражаться. Правительство не может увеличить ни способности одних, ни желанья и мужества других. Исторический опыт нам показывает, как народ, действительно желающий защищать свою страну, непобедим: в Италии – все хорошо это знают – перед отрядами волонтёров (анархической формации) рушатся троны и уничтожаются регулярные армии, составленные по принуждению или за плату.

«Полиция»? «Суд»? Многие представляют, что, если бы не было жандармов, полицейских и судей, каждый стал бы свободно убивать, насиловать и грубо обращаться с близкими; что анархисты, во имя своих принципов, желают, чтобы почиталась та странная свобода, которая насиливает и уничтожает свободу и жизнь других. Они почти убеждены, что после уничтожения правительства и частной собственности мы стали бы спокойно восстановлять и то, и другое из уважения к свободе тех, которые почувствовали бы потребность быть правителями и собственниками. Действительно, странный способ понимать наши идеи!.. Правда, таким образом легче всего одним пожиманием плеч отклонить от себя труд опровержения.

Свобода, которой мы хотим для себя и для других, не есть свобода абсолютная, абстрактная, метафизическая, которая на деле роковым образом влечёт к угнетению слабых; нет, это действительная свобода, свобода возможная, которая представляет сознательную общность интересов, добровольную солидарность. Мы провозглашаем положение: «поступай так, как хочешь» и в нём мы, так сказать, резюмируем нашу программу, потому что, это легко понять, мы убеждены, что в обществе, основанном на гармонии интересов, в обществе без правительства и собственности «каждый будет хотеть того, что он должен (хотеть)».

Но если кто-нибудь, благодаря воспитанию, полученному современным обществом, или вследствие физиологических или каких других причин стал бы причинять вред нам и другим, то мы употребили бы, да будет известно, все средства, допустимые с нашей точки зрения, чтобы помешать этому. Конечно, так как мы знаем, что человек есть продукт собственного организма и космической и общественной среды, в которой он живёт; так как мы не смешиваем священного права защиты с мнимым и нелепым правом наказания, так как в преступнике, т.е. в том, кто учиняет антисоциальные акты, мы не видим раба мятежного, каким его делает судья наших дней, но больного брата, нуждающегося в заботах, мы не вложим ненависти в подавление, мы заставим себя не идти далее необходимой защиты, мы не будем мстить за себя, но лечить и исправлять несчастных, употребляя все средства, которые нам укажет наука.

Во всяком случае, и как бы там ни понимали это сами анархисты, которые, как и все теоретики, могут потерять из виду действительность, гоняясь за кажущейся логичностью, известно, что народ никогда не позволит безнаказанно посягать на свою свободу и благосостояние если явится необходимость, он примет меры для защиты против антисоциальных стремлений нескольких. Но разве есть для этого нужда в тех людях, ремесло которых – фабрикация законов? Или в тех, которые отыскивают и выдумывают нарушителей законов? Когда народ действительно отвергает что-нибудь, находя вредным, он всегда сумеет этому воспрепятствовать и притом

лучше, чем все законосоставители, жандармы и судьи по ремеслу. Когда бы народ пожелал, в пользу или во вред остальным, заставить уважать частную собственность, он заставил бы уважать её, как не могла бы сделать целая армия жандармов.

Обычаи всегда следуют за потребностями и чувствами большинства; и тем более они уважаются, чем менее они санкционированы законами; ибо все в них видят, понимают пользу, и заинтересованные, не делая иллюзий относительно протекции правительства, для себя же самих желают, чтобы эти обычаи уважались. Для каравана, путешествующего в пустынях Африки, лучшая экономия воды – вопрос жизни и смерти, и вода при таких обстоятельствах делается священной: никто не позволит себе злоупотребить ею. Конспираторы нуждаются в секрете: тайна охраняется, и позор поражает того, кто её нарушает. Игорные дома не гарантированы законом, и среди игроков тот, кто не платит, считает сам себя обеспеченным

Быть может, только благодаря жандармам не происходит убийств больше, чем могло бы быть? Но, большинство общин Италии видит полицию лишь издалека; и миллионы людей идут через горы и долы, далеко от охранительных глаз власти, так что на них можно было бы напасть без малейшего риска кары; а между тем, они в неменьшей безопасности, чем в самых оберегаемых центрах. Статистика показывает, что число преступников очень мало зависит от действия репрессивных мер и очень быстро изменяется с изменением экономических условий и состояния общественного мнения. Впрочем, репрессивные законы имеют в виду только экстрапординарные, исключительные факты. Повседневная жизнь протекает вне силы кодекса и, почти бессознательно, управляет молчаливым и добровольным согласием всех, множеством обычай и привычек, более важных для общественной жизни, чем статьи уголовного закона, и более почитаемых, хотя они и лишены всякой санкции, кроме естественной санкции презрения по отношению к нарушителям и зла, происходящего из этого презрения.

Когда наступают распри между людьми, разве добровольно избранный посредник или общественное мнение не были бы более способны дать разумное решение тем, которые нуждаются в этом, чем неответственное судейское сословие, которое имеет право судить всё и всех, которое по необходимости некомпетентно и поэтому несправедливо?

Так же, как правительство служит преимущественно для покровительства привилегированным классам, и полиция и судейское сословие служат только для подавления тех преступлений, которые народом не рассматриваются как таковые и которые вредят только привилегиям правителей и собственников. Для истинно общественной защиты, для защиты блага и свободы всех нет ничего более вредного, как этого рода классы, существующие под видом «защиты всех», привыкшие смотреть на каждого, как на дичь, пригодную для клетки, и поражающие её, не зная зачем, по приказанию начальства, как бессовестные и наёмные убийцы.

Хорошо, пусть так! скажут: анархизм, быть может, совершенная форма общественной жизни, но мы не хотим делать скачка в потёмки. Разъясните нам, «en detail», как будет организовано ваше общество. И вот, идёт целый ряд вопросов, очень интересных, если дело идёт об изучении проблем, решения которых будут возможны в будущем обществе, и совершенно бесполезных, нелепых или смешных, когда предполагают на них получить от нас окончательное решение.

По каким методам будет производиться образование детей? Как будут организованы производство и распределение? Будут ли ещё большие города или население распределится равным образом по всей поверхности земли?

Что, если все жители Сибири пожелают провести зиму в Ницце? Если все пожелают есть куропаток и пить лучшие вина? Кто будет рудокопом, кто моряком? Кто будет очищать отхожие ямы? Где будут находиться больные, дома или в больнице? Кто установит расписание часов прихода и отхода поездов? Как будут поступать, если в пути машиниста заберут колики? И так далее, как будто мы должны обладать знанием и опытом будущего и будто мы, от имени анархизма, обязаны предписать будущим людям, в какой час они должны ложиться спать, и в какие дни они должны срезать себе мозоли на ногах.

Право, если наши читатели ожидают от нас ответа на эти вопросы или, по крайней мере, на те из них, которые серьёзны и важны, ответа, который бы представлял не только наше личное мнение и для одного момента, то это только покажет, что мы не сумели объяснить, что такое анархия (анархизм), а это было нашей целью.

Мы не более пророки, чем остальные: если бы мы претендовали на единственное верное решение всех проблем, которые представляются в жизни будущего общества, то мы, значит, понимали бы очень странно уничтожение правительства. Или нам объявить себя правительством и предписать по примеру религиозных законодателей всеобщий кодекс для настоящего и будущего, что ли?! К счастью, так как мы не имели бы ни костра, ни тюрьмы, чтобы навязать нашу Библию, то человечеству можно было бы безнаказанно смеяться над нашими притязаниями!

Всё же, мы много занимаемся проблемами социальной жизни или в интересах науки или потому, что мы надеемся видеть анархизм осуществлённым и сколько можем, содействуем организации нового общества. Поэтому мы имеем известные решения, которые в различных случаях считаются нами или окончательными, или временными. Мы бы и ещё сказали по этому предмету, если бы не недостаток места.

Но тот факт, что теперь на основании данных, находящихся в нашем распоряжении, мы думаем по этим вопросам так, не говорит, что то же будет в будущем. Да и кто может предвидеть будущую деятельность человечества? Когда все будут иметь возможность образоваться и развиться? Когда не будет рабов, ни господ и когда борьба против других людей и ненависть и злоба, которые отсюда являются, не будут более существовать? Кто может предвидеть прогресс науки, новые средства производства и сообщений и т. д.

Существенно вот что: пусть устраивается такое общество, где немыслимы были бы эксплуатация и господство человека над человеком; в котором все имели бы свободное распоряжение средствами существования, развития, труда; в котором все могли бы содействовать, как они хотят и умеют, организации социальной жизни! В таком обществе всё необходимо будет исходить из желания возможно лучше удовлетворить всеобщие потребности, по мере знания и возможности момента; всё будет изменяться к лучшему по мере увеличения знаний и средств.

В сущности, программа, которая колеблет основы общественного строя, должна указать и метод. И повсюду метод-то и различает партии, и определяет их значение в истории. Что касается метода, то все говорят, что желают блага людям, и многие действительно этого желают; но партии исчезают, а с ними исчезает и всякая ор-

ганизованная и направленная к одной определённой цели деятельность. Поэтому надо особенно внимательно рассмотреть анархизм, как метод.

Методы, от которых различные партии, только не анархисты, ожидают или уверяют, что ожидают, величайшего блага каждого и всех, могут быть сведены к двум: «авторитету» и, так называемому, «либерализму». Первый поручает некоторым лицам управление общественной жизнью и ведёт к эксплуатации и притеснению массы со стороны нескольких.

Второй основывается на свободной инициативе индивидов и провозглашает, если не уничтожение, то по крайней мере, уменьшение атрибутов правительства до возможного минимума. Так как он уважает частную собственность и сам всецело основан на принципе «каждый за себя» и, вследствие этого, на соперничестве между людьми, то его свобода – свобода сильных, собственников, чтобы угнетать и эксплуатировать слабых, тех, которые не владеют ничем; далёкая от стремления к гармонии, она стремится к постоянному увеличению расстояния между богатыми и бедными и ведёт к эксплуатации и господству, т. е. к авторитету. Этот второй метод, или либерализм, теоретически есть вид анархизма без социализма, и через это – ложь, потому что свобода невозможна без равенства; истинный анархизм не может быть без солидарности, вне социализма. Критика либералами правительства сводится к стремлению отнять от него известное число атрибутов, передать их капиталистам, но либералы не могут стремиться к уничтожению репрессивных функций, которые составляют сущность правительства; ибо без жандармов собственники не могут существовать, и даже сила правительственный репрессий должна постоянно расти по мере возрастаания под действием свободной конкуренции вражды и неравенства.

Анархисты предлагают новый метод: «свободная инициатива всех и свободный договор», когда всем, по уничтожении революционным путём частной собственности будет возможно распоряжаться социальными богатствами на равных условиях. Этот метод, делая невозможным восстановление частной собственности, должен привести путём свободной ассоциации к полному триумфу принципа солидарности.

Рассматривая вещи таким образом, видно, что все проблемы, поставленные выше, чтобы разбить анархические идеи, представляют, напротив, аргументы в пользу анархизма, потому что он один только указывает путь к решению этих проблем сообразно с данными науки, сообразно потребностям и чувствам всех.

Как будут воспитывать детей?² Мы этого не знаем. Так что? Родители, педагоги и все те, которые интересуются судьбою новых поколений, будут сообщаться, дискутировать, соглашаться или нет по разным положениям, практически рассматривать методы, признанные ими лучшими; на практике действительно лучший метод восторжествует.

То же самое произойдёт и со всеми проблемами, которые представляются.

В результате того, что мы говорили до сих пор, это анархия, как она понимается партией анархистов и как она только и может быть понята, основывается на социализме. И если бы не было тех социалистических школ, которые искусственно разделяют естественное единство социального вопроса и рассматривают только

² Наши читатели, конечно, знают опыты свободного воспитания во Франции в последнее время, и теории Толстого по этому предмету и т. п.

отдельные части его, если бы не было экивоков, посредством которых стараются отрезать путь к социальной революции, тогда мы могли бы подтвердить, что анархизм есть синоним социализма, потому что и тот, и другой означают уничтожение господства и эксплуатации человека над человеком, всё равно будут ли они осуществляться посредством армий, силою ружей, или присвоением средств существования.

Анархизм, так же, как и социализм, имеет основанием, точкой отправления, необходимой средой равенство положений; своим маяком – солидарность и методом – свободу. Он не совершенство, он не абсолютный идеал, который, как горизонт, удаляется по мере того, как мы приближаемся; но он открытая дорога для всякого прогресса, для всех усовершенствований, выполняемых в интересах всех.

Установив, что анархия есть такой строй общественной жизни, который один оставляет открытым путь, приводящий к величайшему благу всех людей, потому что он один разрушает всякий класс, стремящийся к угнетению и нищете масс; установив, что анархизм возможен, потому что действительно избавляет человечество от помехи правительства, с которым он всегда должен бороться, чтобы пройти свой тяжёлый путь; установив всё это, мы констатируем, что сторонники авторитета удаляются в свои последние окопы, где усиливаются известным числом индивидов, которые, будучи горячими партизанами за свободу и справедливость, боятся свободы и решительно не могут понять человечество без опекунов и пастырей. Прижатые правдой, эти люди требуют отложить это дело на более дальний срок. Вот сущность аргументов, которые нам приводят на этой ступени дебатов:

«Это общество без правительства, которое управляет посредством свободной и добровольной кооперации; это общество, которое во всем полагается на добровольную общность интересов и которое основано всецело на солидарности и любви, несомненно, говорят они, прекрасный идеал, но, как и все идеалы, он витает в областях. Мы обретаемся в человечестве, которое искони веков разделено на угнетателей и угнетённых; эти последние полны желания господствовать и имеют все пороки тиранов, а те привыкли к рабскому повиновению и обладают ещё худшими пороками. Чувство солидарности очень далеко от того, чтобы господствовать теперь среди людей; и если правда, что судьба людей быть и постоянно делаться солидарными между собой, то не менее верно и то, что говорят учёные и что оставляет глубочайший отпечаток на человеческом характере, – это борьба за существование, которую ежедневно каждый поддерживает против всех; это конкуренция, которая давит и рабочих и хозяев и которая делает каждого человека волком в отношении другого. Каким образом те люди, которые получили воспитание в обществе, основанном на антагонизме классов и индивидов, могут моментально перемениться и стать способными жить в обществе, где каждый будет делать то, что пожелает, где каждый должен будет без всякого принуждения, по влечению собственной натуры, желать блага другим. С большей ли уверенностью вы доверите судьбу революции, судьбу человечества невежественной толпе, задыхающейся в нищете, оскотинившейся благодаря священнику, которая сегодня будет глупо кровожадной, а завтра позволит грубо издеваться над собой денежному тузу или будет рабски гнуть шею под пятой первого военного, который осмелится объявить себя господином? Не будет ли более разумно приближаться к анархическому идеалу, проходя через демократическую

и социалистическую республику? Не необходимо ли правительство лучших, чтобы приготовить почву для размножения идей?»

Если бы мы сумели заставить нашего читателя нас понять и склонить к тому, что мы говорили раньше, то не следовало бы и приводить этих возражений; но все-таки лучше мы ответим на это, несмотря на то, что нам придётся повторяться.

Мы постоянно находимся под влиянием предрассудка, что правительство есть новая сила, вышедшая неизвестно откуда, которая сама собой прибавляет нечто к сумме сил и способностей тех, которые составляют его, и тех, которые ему повинуются. Напротив, всё, что делается в человеческом обществе, делается людьми, и правительство, как таковое, не вносит туда ничего своего, кроме стремления монополизировать всё в пользу данной партии или данного класса и препятствовать всякой инициативе, зародившейся вне его партии.

Уничтожить авторитет (власть), уничтожить правительство – ещё не означает разрушить индивидуальные и коллективные силы, действующие в человечестве, или влияние, которое люди оказывают друг на друга; последнее и означало бы вернуть человечество к массе отделённых друг от друга и энергичных атомов; ну, а это вещь невозможная, и если бы была возможна, то означала бы разложение всего общества, смерть человечества.

Уничтожить власть – значит уничтожить такое положение вещей, когда социальная сила или сила всех бывает орудием ума, воли, интересов небольшого числа индивидов, которые, пользуясь силой всех, давят для своей собственной выгоды и выгоды своих идей свободу каждого.

Уничтожить власть – значит разрушить тот строй социальной организации, посредством которого, от революции к революции, будущее присваивается в пользу тех, которые были победителями момента.

В издании, появившемся в 1872 г., Михаил Бакунин, говоря о том, что великие средства деятельности Интернационала были пропаганда его идей и организация естественной деятельности его членов на массы, прибавляет:

«Всякому, кто утверждал бы, что так организованная деятельность была бы посягательством на свободу масс, попыткой создать новую авторитарную власть, мы ответим, что он никто иной, как софист и глупец. Тем хуже для тех, которые не знают естественных законов человеческой солидарности и воображают, что абсолютная взаимная независимость индивидов и масс была бы возможная или, по меньшей мере, желательная вещь».

Ее желать – значит желать разложения общества, потому что социальная жизнь – не что иное, как эта взаимная и постоянная зависимость.

Все индивиды, даже если бы они были самыми интеллигентными и сильными, гораздо более, в особенности, если бы они были самыми и умными, и сильными, в каждую данную минуту бывают и производителями, и [потребителями]. Сама свобода каждого индивида есть только следствие, постоянно-производная той массы материальных, интеллектуальных и моральных влияний всех индивидов, его окружающих, общества, среди которого он рождается, развивается и умирает. Желание избежать этого влияния посредством трансцендентальной, божественной, абсолютной, эгоистической и достаточной в ней самой свободы есть стремление к небытию; желание отказаться влиять ею на других, значит отказаться от всякой общественной

деятельности, даже от выражения своих собственных мыслей и чувств и возвращаться опять таки в небытие... Подобная независимость, столь восхваляемая идеалистами и метафизиками, индивидуальная свобода, понимаемая в этом смысле также небытие.

«В природе, как и в человеческом обществе, которое, ничто иное, как та же природа, все, что живёт, живёт только при высшем условии вмешательства в жизнь других, столь положительным образом и так могущественно, как позволяет это природа. Уничтожение этого взаимного влияния было бы смертью; когда мы требуем свободы массам, мы не домогаемся уничтожения всякого естественного влияния, которое индивиды или группы индивидов оказывают на них; то, что мы желаем, – это уничтожения искусственных, привилегированных, законных, официальных влияний».

Известно, что в современном обществе, где огромное большинство людей, задавленное нищетой и оскотинившееся от суеверий, находится в уничижении, человеческая участь зависит от действий относительно незначительного числа индивидов.

Конечно, не может случиться, чтобы все люди вдруг возвысились до проникновения долгом гораздо более, чем удовольствием, и поступали так, чтобы было для других велико возможно величайшее благо.

И если мыслящие и управляющие человечеством силы теперь ещё малочисленны, то это, ведь, не довод в пользу того, чтобы парализовать часть их и тем подчинить многих нескольким из них: это не довод, чтобы образовать такое общество, в котором вследствие бездействия – следствие упроченных мест, вследствие наследства, протекционизма, воспитания и всякой правительственный механики, самые живые силы и действительные способности кончают тем, что, находясь вне правительства, почти совсем лишены влияния на общественную жизнь.

А те, которые возвышаются до правительства, будучи перемещены из своей среды и, прежде всего, стараясь удержаться у власти, теряют всякую способность к деятельности и служат только препятствием для других.

Уничтожьте эту отрицательную власть, т. е. правительство, и общество будет тем, чем оно могло бы быть сообразно с силами и способными людьми данного момента.

Если здесь находятся сведущие и желающие распространять науку люди, они организуют школы и употребят усилия, чтобы всех заставить почувствовать пользу и удовольствие самообразования; если их нет, или их мало, то правительство не может их создать; оно могло бы только взять, отвлечь этих людей от их плодотворного труда, поставить их составлять законы, которые необходимо внушить при помощи полицейских и, таким образом, сделать из интеллигентных и страстных, какими они были, наставников политиков, всегда занятых внушением своей мании и заботой оставаться у власти.

Если есть медики и санитары, они организуют санитарную службу. Если же их нет, то правительство не может их создать; оно могло бы только благодаря недоверию, на котором народ вскормлен, (недоверию, часто оправдывающемуся, по отношению к правительству), подорвать веру в знания врачей и тем дать возможность их умерщвлять, как отправителей, когда они идут лечить во время эпидемии.

Если есть инженеры, машинисты, они устроят железные дороги. А если их не существует, правительство опять-таки не может их создать.

Революция, уничтожая правительство и частную собственность, не создаёт сил, которых de facto не существует, но оставит свободным поле для расширения сил, всех существующих способностей, разрушит всякий класс, стремящийся удержать массы в скотском состоянии, и сделает так, что каждый будет в состоянии действовать и оказывать своё влияние пропорционально своим способностям, своим влечениям и интересам.

Это единственный путь, по которому масса могла бы подняться, так как, только владея свободой, можно научиться быть свободным, также, как только работая, можно научиться работать.

Если бы правительство не имело других затруднений, то всё же ему постоянно приходилось бы приучать управляемых к подчинению, и ещё не малое затруднение, выказывать себя все более и более необходимым.

С другой стороны, если хотят правительства, чтобы оно воспитало массы и вело к анархизму, тогда надо объяснить, какое будет происхождение, каков будет способ образования правительства!

Может быть, что будет диктатура лучших? И кто определит в них это качество? Большинство обыкновенно предано старым предрассудкам и имеет идеи и инстинкты, уже пройдённые меньшинством, судьбой менее благодетельствованным: но кого изберут среди тысячи различных партий меньшинства, из которых каждая думает, что она права и все могут быть правыми по известным пунктам? Посредством какого критерия будут избирать, чтобы предоставить социальную власть одной из них, когда только будущее в дебатах между партиями, может решить это?

Если примут сведущих в диктатуре партизан, то вы увидите, что каждый из них будет считать, что он должен быть, если не действительным диктатором или одним из диктаторов, то по крайней мере близким соседом диктатуры. Итак, диктаторами были бы те, которые так или иначе сумели бы возвести себя на эту высоту, и можно быть уверенными, что с течением времени все их силы были бы употреблены на борьбу, которую им пришлось бы выдерживать со своими соперниками, что они забыли бы свои бессильные желания воспитания массы к анархизму, как будто они никогда и не имели этих желаний?

Может быть, напротив, правительство будет избрано всеобщей подачей голосов – следствие более или менее искреннего выражения (emanation) воли большинства? Но если вы рассматриваете этих честных избирателей, как неспособных заботиться (определять) о своих собственных интересах, то каким образом они когда-либо сумеют избрать пастырей, которые должны их вести? И каким образом они сумеют решить эту проблему социальной алхимии: выбрать гения посредством подачи голосов массой глупцов. Что придётся тогда делать меньшинству, которое является самой интеллигентной, деятельной и передовой частью общества?

Чтобы решить социальную проблему, на счастье всех, есть только одно средство: изгнать революционным путём правительство; экспроприировать революционным путём владетелей социальных богатств; предоставить все в распоряжение всех и сделать так, чтобы все силы, все способности, все добрые воли, существующие среди людей действовали для удовлетворения потребностей всех.

Мы сразимся за анархизм и социализм, потому что мы верим, что анархизм и социализм должны иметь непосредственное действие, т. е. что должно в момент

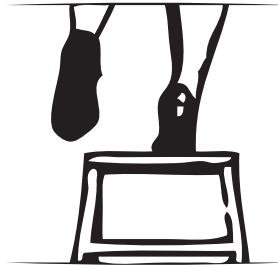
революции изгнать правительства, уничтожить собственность и поручить общественные организации, которые в этом случае обнимут всю социальную жизнь, – добровольному труду, свободному, не официальному, не «законному»; труду всех заинтересованных, всех желающих что-нибудь делать. Конечно, будут тут трудности, неудобства; но они будут и могут быть решены только анархически, т. е. посредством непосредственной работы заинтересованных и свободного соглашения.

Мы не знаем, восторжествует ли в ближайшей революции анархия и социализм; но несомненно, что если программы, апеллирующие к мировым сделкам, приняты, то потому, что на этот раз мы побеждены, но отнюдь не оттого, что мы считаем полезным оставить в жизни часть плохого строя, под которым содрогается человечество.

Во всяком случае, мы будем иметь на события влияние, которое нам даст наше число, наша энергия, наши познания, наша непримиримость; и, если даже мы будем побеждены, наш труд не будет бесполезным, потому что, чем более мы будем стараться достигнуть реализации всей нашей программы, тем менее правительство, тем менее собственность будут существовать в новом обществе. И мы сделаем великое дело, потому что прогресс человечества вполне точно измеряется уменьшением давления правительства и уменьшением частной собственности.

И если сегодня мы падём, не опуская нашего знамени то завтра мы можем быть уверены в победе.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Анархизм

Малатеста Э. Краткая система анархизма: Избранные сочинения. Пер. с итал. № 20.
Изд. стереотип, URSS, 2023, стр. 114 - 164
Текст незначительно отредактирован.

ru.anarchistlibraries.net